

МОСКВЕСТ

АНДРЕЙ
ЖВАЛЕВСКИЙ
ЕВГЕНИЯ
ПАСТЕРНАК

Евгения Борисовна Пастернак
Андрей Валентинович Жвалевский
Москвест. Роман-сказка
Серия «Время – юность», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2450895

МОСКВЕСТ: Время; Москва; 2011

ISBN 978-5-9691-0932-2

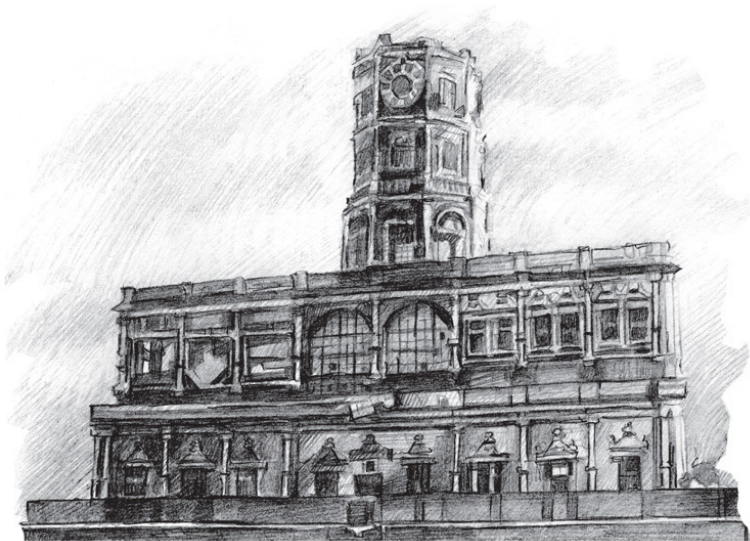
Аннотация

История – дама капризная. Стоило одному неосторожному подростку ругнуть ее у стен Кремля, и его вместе с собеседницей откинуло так далеко, что выбираться придется целую книгу. «Куда мы попали? Как нам отсюда выбраться? Как выжить?» – спрашивают герои книги. Очень хочется им помочь, ведь у нас под рукой Интернет, а они мало что помнят даже из школьного курса! Да и школьный курс не всегда совпадает с тем, что происходит перед изумленным взглядом невольных путешественников во времени. Особенно когда приходится столкнуться с дружинниками Долгорукого, давать советы Калите, защищать Москву от Тохтамыша или работать толмачом у английского посла. А еще – это роман о любви...

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Минус тысяча	8
Глава 2. Легенда о трехглавом псе	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Андрей Валентинович
Жвалевский
Евгения Борисовна
Пастернак
Москвест
Предисловие**

Дорогие взрослые читатели!

Мы сами предисловия читать не любим, и еще меньше нам нравится предисловия писать. Но тут случай особый.

Пока работали над рукописью – такого наслушались... В общем, давайте сразу расставим точки над всякими буквами. А поскольку с подростками, для которых мы собственно и пишем, у нас ни разу разногласий не возникало, мы целенаправленно обращаемся к взрослым.

Во-первых, перед вами вовсе не историческое исследова-

ние или сенсационный вариант альтернативной истории. Это просто повесть о двух подростках, приключения и фантастика. В слове «Москвест» главная часть – «квест». Договорились?

Во-вторых, мы сильно отличаемся от наших героев. Если Миша, Маша или кто-то еще высказывает свое мнение – так это его мнение, не наше! Если английский посол считает Россию отсталой страной – это снобизм конкретного английского посла, а не авторская позиция. Если дружинник князя Остея думает, что князь Дмитрий Донской сражался против Мамаю, чтобы помочь Тохтамышу, – мы тут ни при чем, честное слово!

При этом мы очень любим своих героев. Но они не идеальны. Они ошибаются и совершают глупости, но от этого мы любим их ничуть не меньше. Если человек не ошибается, то он не взрослеет, не набирается опыта.

В-третьих, мы много чего додумали, нафантазировали, нарисовали портреты – но только там, где это не противоречит историческим источникам. Никто из наших современников не знает, каков был Юрий Долгорукий в обыденной жизни, – вот мы и сделали его таким... э-э-э... словом, таким, каким он предстанет на страницах этой книги.

В-четвертых, не спрашивайте нас, чему учит наша книга. И тем более не спрашивайте, куда она ведет молодое поколение и к чему призывает. Мы просто рассказываем историю. А делать выводы – это дело читателя.

В-пятых, авторы тоже люди. Мы могли в чем-нибудь ошибиться. Да что там «могли» – на этапе авторской редакции благодаря тест-читателям и консультантам выгребли довольно много анахронизмов. Что-то наверняка не заметили. Извините, мы старались изо всех сил.

И – о приятном. Большое спасибо всем, кто помог нам исправить ошибки. В первую очередь – Ольге Викторовне Стрелковой, кандидату культурологии, научному сотруднику Музеев Московского Кремля. Она и персональную многочасовую экскурсию по Московскому Кремлю для нас провела, и вместе с коллегами рукопись вычитала, и много полезных замечаний сделала. Пусть не со всеми замечаниями мы согласились, все равно – огромное спасибо Ольге Викторовне и ее коллегам!

А еще мы хотим поблагодарить тест-читателей, которых было так много, что ни одно предисловие не вместит в себя полного списка. Спасибо, дорогие! Вы нам очень помогли!

Всё, а теперь – милости просим в книгу!

Ваши авторы

Глава 1. Минус тысяча

Мишка стоял посреди Александровского сада и злился. Их класс зачем-то понесло на экскурсию, они долго толкались в метро, потом продирались сквозь галдящую толпу у стен Кремля. «И чего они все сюда едут?» – раздраженно бурчал он себе под нос, поправляя наушник, в котором звучал бодрый рэп. Но, как назло, и он неожиданно оборвался. «Ну а ты чего замолчал?» – еще раздраженнее подумал

Мишка, вытаскивая из кармана телефон. Тот обиженно пикнул и разрядился окончательно.

Мишка запихал его в карман и огляделся. Одноклассников в пределах видимости не наблюдалось.

Мишка понял, что, пока он слушал рэп и злился, остальные ушли далеко вперед. Теперь придется одному тащиться обратно через весь город, а завтра еще и объясняться с классной, куда он исчез...

– Ладно, где наша не пропадала, – буркнул Мишка.

Поправил новую кепку с эмблемой чемпионата мира по футболу. Настоящую, брат прямо из Африки привез, не какое-нибудь фуфло, которое у метро пачками продается. Полюбовался на белоснежные кроссовки. Не оттоптали их в московской толкотне, такие же ослепительно красивые.

– Ну и? – спросил он у себя.

И начал выбирать очередную жертву своего обаяния. Чтоб телефон дали, позвонить классной.

У иностранцев просить бессмысленно, фиг объяснишь, что тебе надо – и это несмотря на то, что Мишка с детства по курсам английского да спецколам! Эти тетki с огромными сумками тоже ничего не дадут, они за рубль удавятся. Кто же, кто же, кто же... О! Вот она!

Возле скамейки стояла девчонка. Лет двенадцать, а может четырнадцать. Ничего примечательного, обычная девчонка. Джинсы, хвостик... Блондинка. Даже хорошенькая. Только вид у нее потерянный.

Мишка небрежно подошел к девочке.

– Хай!

– Привет...

Взгляд удивленный, настороженный.

Мишка отработанным движением откинул со лба кучерявую челку, поправил кепку и лучезарно улыбнулся. Но ответной улыбки не последовало, девочка все так же хмуро смотрела исподлобья. «Тяжелый случай», – подумал Мишка, но решил не сдаваться.

– Прикинь, мы тут с классом в Кремль приехали, типа на экскурсию. А я музыку слушал, слушал...

Мишка внимательно следил за девочкой, чтоб понять, как говорить дальше – переходить на жаргон, или, наоборот, скачиваться на литературный язык. А она, как назло, смотрела совершенно безучастно, не морщилась, не улыбалась.

– Короче, я отстал от своих, – нейтрально продолжил Мишка, – а телефон сдох.

Девочка продолжала смотреть Мишке в глаза, вместо того чтоб начать суетиться, доставая телефон из кармана, или хотя б просто улыбнуться.

– Дай, пожалуйста, телефон, я классухе позвоню, – выдал Мишка, опять улыбнувшись своей «фирменной» улыбкой. – Я быстро. У нее такой простой номер, я его наизусть помню.

– Не дам, – отрезала девочка.

У Мишки челюсть чуть не пол не упала от неожиданности.

– Почему? – искренне изумился он.

– Не работает.

– Что не работает? – уточнил Мишка.

Девочка ответила крайне неохотно.

– Телефон, как ты выразился, сдох.

– Что, и у тебя тоже? – не поверил Миша.

– Да. Похоже, сегодня в Александровском саду день дурака, – ухмыльнулась девочка.

Мишка смотрел недоверчиво, и девчонка вытащила из кармана погасший телефон.

– Подружка позвонила. Горе у нее, парень ее бросил, – девочка презрительно скривила рот. – Минут двадцать дурила голову. Телефон сел, все ушли. Билеты у классной.

Мишка с тоской посмотрел на погасший экран телефона, с трудом подавляя раздражение. Время ушло, звонить уже, наверное, бессмысленно, даже если кто и даст телефон. «Ууууу, дура, это ж надо так трепаться, чтоб телефон разрядить», – подумал Мишка и плюхнулся на скамейку.

– Тебя как зовут? – лениво спросил Мишка.

– Маша, – безразлично ответила девочка.

– Хочешь мороженого? – продолжил Мишка, заметив недалеко фирменный холодильник.

– Иди на фиг, – беззлобно ответила Маша.

Мишку, как ни странно, это совершенно не обидело, а наоборот, успокоило. Типаж определился – парнененавистница. Вся из себя гордая и уверена, что все одноклассники полные идиоты.

– Как хочешь, – ответил Мишка, а потом вдруг заявил: – От этих экскурсий все равно никакого толку! А история вообще – убитый предмет!

– Сам ты убитый! – огрызнулась девочка.

И вот тут Мишка разозлился. Мало того, что телефон разрядила, так еще и жить его будет учить! Тоже мне, нашлась умница!

Мишка собирался сказать наглой девице все, что о ней думает, но отвлекся.

Во-первых, где-то недалеко вдруг ударил колокол. Звук был густой и важный, сразу захотелось к чему-то прислушаться.

А во-вторых, по аллее прямо к ним быстро шел мужчина в непонятной форме – что-то вроде офицерской из исторических сериалов. Сам очень высокий, с огромными закрученными кверху усами, блестящими сапогами и сияющей бляхой ремня. Все это вместе вызывало в памяти выражение «военная выправка». Шел он уверенно, размашисто, по-хозяйски, но при этом у него с лица не сходило озабоченное выражение, и смотрел он прямо на Мишку.

– История – отстой! – громко сообщил Мишка, встал со скамейки, развернулся, чтобы отправиться к метро, и налетел на Машу, сбив ее с ног.

Последнее, что он успел заметить перед тем, как упасть в воду, – озабоченный военный перешел на бег.

Мишка всегда неплохо плавал, но тут вдруг запаниковал, забил руками по воде – чуть не утонул. Спасло его два обстоятельства. Во-первых, вода доходила только до шеи. Во-вторых, рядом еще больше паниковала Маша. Мишка соби-рался ее спасти, схватив за волосы, как делают герои в филь-мах, но в этот момент его самого схватили за шиворот и вы-дернули из воды. Через секунду рядом застучала зубами и подруга по несчастью.

– Вы кто? – злобно спросил Миша у верзилы, пытаясь вы-драться из его цепких рук.

– Городовой, – коротко представился военный, очень недовольно рассматривая спасенных.

– Где мы? Куда мы попали? Откуда вода? – сердито выпа-лила Маша.

– Зачем вы к нам бежали? – не отставал Миша.

– Тихо! – прикрикнул Городовой. – И так наболтал себе неприятностей!

Маша подавилась очередным вопросом, Миша спросил за нее:

– Что значит «наболтал»?

Но дядька и не думал отвечать, наоборот, шикнул и под-нял руку, как будто к чему-то прислушиваясь. Миша неволь-но прикусил язык.

– Объяснил бы я вам, – сказал верзила, вслушиваясь все тщательнее, – да времени мало... А вас много...

После этого непонятого замечания Городовой вдруг выхватил из кармана большой серебряный свисток, резко дунул в него... и исчез.

Мишка и Маша уставились сначала на место, где стоял их спаситель, потом друг на друга...

– Это глюки, – Мишка старался говорить очень уверенно. – В смысле... Галлюцино...

Договорить мудреное слово «галлюциногены» он не успел. Из воздуха снова возник Городовой и гаркнул:

– И чтоб стояли тут, никуда не ходили! Эх... Видок у вас никуда не годится... Переодеть вас нужно! Снимайте мокрое, сейчас что-нибудь добуду!

Мишка собирался поспорить, но Городовой снова исчез непонятно куда. Да и была в его словах правда – намокшая одежда неприятно прилипала к коже. Мишка сплюнул и принялся раздеваться. Девчонку он совершенно не стеснялся – пусть сама стесняется. Маша минутку постучала зубами, зашла за куст и тоже принялась возиться с одеждой.

Стаскивая мокрую майку, джинсы и кроссовки, Мишка пытался понять, куда их занесло. Вокруг стоял угрюмый хвойный лес, под ногами чавкало, сырой глинистый берег почти незаметно переходил в мутную речку, из которой их и вытащил Городовой.

Стоило его только вспомнить – и верзила снова возник из

воздуха, молча сунул Мишке и Маше в руки по свертку.

– Никуда не уходить! – напомнил он таким командирским тоном, что Мишке тут же захотелось свалить отсюда подальше.

Просто из принципа. Впрочем, Городовой, в уже привычной манере, пропал.

– А может, – спросила Маша из-за куста, – мы просто спим? То есть сплю я, а ты мне снишься?

Мишка не удостоил ответом девчачьи глупости. Вместо этого развернул сверток, который оказался чем-то вроде длинного мешка для картошки, только с рукавами. Секунду поколебавшись, Мишка принялся натягивать его на себя – надо же было как-то согреться. На ощупь рубаха оказалась даже приятной, но сейчас Мишку раздражало и это. А больше всего его злил таинственный военный, из-за которого они, судя по всему, и вляпались в эту историю.

– Раскомандовался, – бурчал Мишка вполголоса. – Куда захочу, туда и пойду. А если галлюцинация, то ненадолго... О! Сейчас все узнаем! Галлюцинации в воде не отражаются!

Мишка сделал шаг к речке, чтоб посмотреть на воду. Отражение было на месте, хотя и довольно мутное. Мишка отступил назад, повертел в руках мобильник, разобрал его, чтоб просох, и сунул под куст – все равно на временной одежде не наблюдалось ни одного кармана.

Тут показалась Маша. К неудовольствию Мишки, на ней «мешок» сидел даже изящно. А еще у нее в комплекте

оказался веревочный пояс, которым Маша подпоясалась, придав себе более человеческий вид. На ногах у Маши красовались...

– Это лапти, что ли? – уточнил Мишка.

Маша хмуро кивнула.

– А мои где? – из принципа потребовал Мишка.

Маша молча ткнула пальцем под куст. И правда, под ним лежала еще одна пара лаптей. Мишка сердито выдернул лапти из-под куста, и из них вывалилась странного вида трубочка – красного дерева, с отверстиями по бокам.

Прилаживая маскарадную обувь неудобными веревками к голени, Мишка злился все больше и больше. Почему он должен обряжаться в эти маскарадные костюмы?! Он даже потрогал одежду, развешанную на кусте, но с нее все еще обильно капало.

– Ладно, он мне за это ответит, только разберемся, что случилось... – бормотал Мишка, вертя в руках трубочку. – Папа позвонит, и всем мало не покажется...

Маша сумрачно уставилась в вяло бегущую воду.

– Не г-г-галлюц-ц-цинация, – констатировала она, постукивая зубами.

– Ну чего ты трясешься? – раздраженно спросил Мишка. – Расслабься, скоро все выясним!

– Холод-д-дно, – ответила Маша, – я в жизни в платьях не ходила, а тут еще и колготки забыли дать...

Маша пыталась завернуться в длинную льняную рубаху,

но, судя по цвету ее носа, тепла от нее было не больше, чем от Мишкиной.

– Ладно, – решил Мишка, – пойдём!

– Куд-д-да?

– Искать. Кого-нибудь.

– Не пойдём мы никуда! Городовой сказал здесь сидеть, никуда не уходить!

– Какой Городовой? – возмутился Мишка. – Нет никакого Городового! Свалил! Наверное, он и был главной галлюцинацией. Мы тут околеем, пока его дождемся. Сейчас пойдём, найдем работающий телефон, я позвоню отцу, и он нас заберет.

Маша нахмурилась, закусил губу и, пошатываясь и по-скальзываясь в неудобных лаптях, подошла к Мишке.

– Ладно, пойдём туда! – сказала она и махнула рукой куда-то в сторону, где бор выглядел вроде как пореже.

– Почему туда? – удивился Мишка.

– Мне кажется, там дорога.

Маша бодро захромала в указанном направлении, и Мишке пришлось идти за ней. Под рубаху поддувало. Трубочку спрятать было некуда, пришлось держать ее в руке.

Через четверть часа перемещения по бурелому Миша озверел.

– Все. Привал. Я уже все ноги разбил.

– Зато согрелись, – отрезала Маша.

– И где твоя дорога? – ехидно поинтересовался Миша.

– Не знаю...

Маша как раз вылезла на полянку, но тут же пригнулась.

– Тихо! – шепнула она, и присела.

Прямо на ребят шла женщина, в такой же длинной рубаше, как и у Мишки с Машей, разве что более грязной. В руках у нее был туесок, как из сказки, и она что-то бормотала себе под нос.

– О, человек! Сейчас договоримся!

Миша нацепил фирменную улыбку и рванул к бабке.

– Простите, пожалуйста, вы не подскажете... – бойко начал он.

– Аа-аа-аа-а!.. – заорала женщина и, кинув туесок, рванула в лес.

Миша попытался ее догнать, но немедленно поскользнулся.

– Пойдите! – закричал он вслед. – Вы только скажите, где мы?

– Ну что, договорился? – съехидничала Маша.

Она аккуратно подняла кинутый туесок. Он был старый, драный и доверху набит вонючими корешками.

– Ручная работа, – сообщил Мишка, – бешеные бабки сто́ит.

Маша вздохнула, отложив туесок в сторону.

– Зато мы узнали, что тут есть люди, – сообщил Миша. – Пошли дальше.

При слове «пошли» Маша поморщилась. Сняла с ног лап-

ти, попыталась идти без них, скривилась еще больше.

– Что, неудобно? – поинтересовался Мишка.

– Нормально! – отрезала Маша. – Просто ноги стерла.

Маша присела на какой-то пенек, поглаживая стертые в кровь пятки.

Мишка отвернулся, и ему почудилось еле уловимое движение в кустах.

– Сиди здесь, – сказал Мишка, – я быстро. Сейчас я поймаю этих шутников...

И он скрылся в дубраве.

Когда Маша подняла глаза от израненных ног, то увидела руку, тянущуюся к туеску. Потом встретилась глазами с хозяйкой руки. Потом они хором ойкнули.

Маша замолчала, потому что боялась спугнуть, женщина пригляделась к девочке, быстро схватила туесок и прижала к себе, как величайшую ценность.

– Вы берите, берите, – шепотом сказала Маша, – я не хотела вас напугать.

– Уду ты¹? – тоже шепотом отозвалась женщина с каким-то неуловимым акцентом.

– Ой, – удивилась Маша, – а вы по-русски говорите?

– Штуждь²... – забормотала незнакомка, отбирая туесок. – Штуждь...

Женщина поспешила прочь, но Маша не собиралась ее

¹ Откуда ты? (старосл.)

² Чужой... (старосл.)

просто так отпустить. Она шагнула вслед и тут же ойкнула от боли – мозоли горели нестерпимо. Незнакомка услышала и замерла в нерешительности. Маша решила говорить громко и отчетливо:

– Как нам выйти к дороге? Где город?

В ответ женщина затараторила так быстро, что Маша смогла разобрать только отдельные слова: «бояться», «туду», «ходить», «супруг»...

Маша только растерянно моргала да морщилась от боли.

Неожиданно женщина сунула руку в туесок, достала корешок, быстро разжевала его, пошептала что-то и стремительно приложила кашицу к Машинной ноге.

– Абие³, – тихо сказала женщина, – абие...

То ли от корешков, то ли от успокаивающего голоса незнакомки действительно становилось легче. Маша улыбнулась целительнице, та почти улыбнулась в ответ...

И тут из-за деревьев послышался голос Мишки:

– Ушли, гады! Зато я понял, что это за трубка! Это свисток!

И Мишка вывалился из чащи, оглушительно свистя в найденную трубку. На мгновение у всех заложило уши, Мишке дольше других пришлось мотать головой, приходя в себя.

А когда очухался, удивленно спросил:

– Э! А свисток где?

Он растерянно посмотрел под ноги.

³ Скоро (старосл.)

– Пропала твоя дудка, – строго сказала незнакомка. – Не простой он, зачарованный...

Мишка недоверчиво фыркнул и снова шагнул в кусты.

Маша удивленно обернулась к женщине:

– Так вы по-русски умеете говорить?

– Это вы по-нашему говорить стали, – строго ответила женщина. – Я ж говорю: зачарованная дудка была!

И, не дав Маше опомниться, спросила:

– Как звать-то?

– Маша.

– Я Прасковья. А мужа твоего как кличут?

– Кого? – изумилась Маша. – Какой муж, мне тринадцать лет!

– Ну да, ну да... – запричитала женщина, – поздновато, но ты девка хороша, может, еще кто и возьмет. У нас женихи есть, ты скажи брату...

Маша с изумлением обнаружила, что кровь остановилась, а по натертым ступням разливается блаженная свежесть.

– Было мне видение, что я в лесу чудо встречу, – бормотала травница, – чем ты не чудо? Пойдем, я тебя не брошу, у меня переночуешь. И брата зови.

И проворно стала пробираться через лес.

* * *

Маша тихо семенила рядом с новой знакомой, а Мишка

шел чуть сзади, злился, и бурчал, что идут они неизвестно куда вместо того, чтоб спросить, где тут ближайший телефон. Прасковья косилась на него то ли с испугом, то ли с завистью.

По дороге она наклонилась к Маше и прошептала:

– А ладный у тебя брат. Кожа белая, зубы ровные...

Мишку чуть не перекосило от такого комплимента. Кожа, и правда, у него редко загорала, обычно сразу облезала после первого часа на пляже. А зубы... Зубы – это заслуга тети Тамары, маминой подруги. Всю зиму провел у нее в стоматологическом кресле. Оно не больно, конечно, но все равно противно, когда в твоем онемевшем от анестезии рту кто-то ковыряется. А тетя Тамара еще приговаривала: «Ничего, зато девчонки заглядываются будут». Накаркала.

И тут, в тон Мишкиным мыслям, Прасковья заявила:

– Была бы я помоложе... эх...

И сказано было вроде как Маше, и не досказано до конца, но Мишку в жар бросило от мысли, что какая-то старуха положила на него глаз. Машу это тоже смутило, и она уточнила:

– А вам сколько?

Их проводница безнадежно махнула рукой:

– Да уж все два с половиной десятка...

Маша решила, что это такая шутка, и вежливо хихикнула. Но это, кажется, не порадовало Прасковью, потому что она мрачно добавила:

– Двух мужиков поховала, а третьему не быти...

Она ввела их в дом. Сильно скособоченная, избушка шурилась на мир крохотными мутными оконцами. Тем не менее хозяйка гордо заявила:

– Вот, тута...

И прямо с порога принялась ловко топить печку, бормоча себе под нос:

– Не зябко оно... да вишь девка какая мерзлячая...

Маша уже собиралась насладиться мягким теплом печки, но дым почему-то повалил прямо в избушку. Девочка бросилась наружу, кашляя и обливаясь слезами. Мишка задержался чуть дольше – просто из принципа. Этих двух секунд ему хватило, чтобы заметить полное отсутствие дымохода. Выскочив наружу, он протер кулаками глаза и внимательно осмотрел крышу. Трубы не было.

– Я все понял, – сказал Мишка гордо.

Правда, из-за распухшего носа получилось не столько гордо, сколько жалобно. Маша хмыкнула.

– Да? И где мы?

– Где, не знаю. Но знаю, у кого.

Мишка выдержал паузу – не для пушщего эффекта, а чтобы оглушительно чихнуть, – после чего продолжил:

– Это ролевики.

Маша недоверчиво покосилась на домики. У нее были знакомые толкиенисты, она знала даже одного парня, который сам плел кольчуги, но до такого натурализма они никогда не доходили.

– Нет, – замотала она головой, – это уж как-то совсем круто...

– Круто, – согласился Мишка. – Фанаты. Одежда, мебель, дома – все ауто... как его... короче, как тогда было.

– А мы как тут оказались? – поинтересовалась Маша. – Мы же возле Кремля были!

Мишка выразительно посмотрел на блондинку. Он хотел этим взглядом сказать: «Я что, во всем должен один разбираться?! Сама пошевели извилинами», – но Маша его не поняла. Она продолжала смотреть на него требовательно и нетерпеливо.

– Не знаю! – не выдержал Мишка. – Сейчас спросим!

Очень кстати у избушки возник мальчонка лет пяти.

Сначала он вылупился на Мишу, икнул от страха, потом так же уставился на Машу. Присутствие девушки мальчика немного успокоило, и он поклонился ей в ноги.

Маша нервно хихикнула.

– Э, пацан, – начал Мишка, – хватит. Слышь, мы тут заблудились, скажи, как до Москвы доехать.

Мальчик икнул еще раз и затрясся.

Маша подошла к нему, уселась на корточки и тихо попросила:

– Слушай, ты очень круто играешь. Но мы тут, правда, случайно. Скажи, где вы машину оставили. Где дорога?

Мальчик смотрел прямо в глаза Маше, но в них не отражалось ничего, кроме благоговения.

– Ты можешь говорить? – спросила Маша и повернулась к Мише: – Он немой, похоже.

И тут «немой» мальчик заголосил. Из длинной речи удалось вычленить только «Прасковья», все остальное слилось в едином потоке звуков.

Травница выскочила из хатки, схватила туесок и кивнула Маше.

– Пойдем пособишь.

– Куда?

– К Пелагее.

– Зачем?

– Идем, – шепнул Миша, – может, там кого встретим.

– Ты – нет, – отрезала Прасковья и решительным шагом пошла за мальчишкой, который шустро бежал между деревьями.

Миша выразительно развел руками и уселся на бревно. Маша потащила следом за травницей.

Оказывается, совсем недалеко была деревня. Если, конечно, можно назвать деревней эти вросшие в землю крохотные домики.

Сначала Маша глазела по сторонам, потом опустила глаза вниз и быстро семенила за Прасковьей, потому что с каждой минутой ей становилось все страшнее. Эти ролевики явно безумны! Натурализм натурализмом, но есть же какие-то пределы! Главное – дети, сами-то ладно, но детей жалко. Эти странные чумазые существа, одетые в длинные рубахи... Бо-

ые, замерзшие!

– Пришли, – Прасковья свернула во двор и споро занырнула внутрь дома.

Маша протиснулась в избу, согнувшись в три погибели. Темно. Душно. Воздух спертый, влажный, жаркий.

Пока Машины глаза привыкали к мраку, а сама она боролась с тошнотой, Прасковья успела разложить на столе свои корешки.

– Если не родит до ночи – помрет, – спокойно сказала она.

– Что? – подскочила Маша.

– Пелагея. Уже два дня мучается.

– Где? – тупо спросила Маша.

Из груди тряпья в углу раздался нехороший стон.

Машу прошиб холодный пот.

– Вы что тут, совсем с ума посходили? Вызывайте «скорую» немедленно! Где телефон?

– Тихо, – сказала Прасковья, – мудроно говоришь, не разумею.

– Да хватит прикидываться! А если она умрет?..

– Значит, так тому и быть, – прошептала Прасковья.

Маша вылетела из избы, вляпалась в грязь по колено, шуганула курицу. В самой грязище, посередь двора сидел мальчишка, который прибежал и привел их сюда, он держал на руках совсем мелкого ребенка.

– Ты руки когда мыл? – не удержалась Маша. – Что ты ему пальцы в рот суешь?

Мальчик шмыгнул носом.

Больше всего Маше хотелось сбежать отсюда, но она не смогла придумать куда. В хату заходить было страшно до дрожи, но и бросить их всех тут уже тоже было невозможно.

– Вернись домой, все расскажу маме, – прошептала Маша. – Она – врач. Она приедет и во всем разберется. И детей этих мы отмоем, и все будет хорошо...

Из избы раздался вопль.

Маша вздрогнула, но ноги сами понесли ее внутрь. Как ни странно, внутри уже довольно приятно пахло травками.

– Воды принеси! – не оборачиваясь, приказала Прасковья, не отходя от роженицы.

Маша опять вышла во двор.

– Где вода? – медленно спросила Маша у мальчишки, – Ко-ло-дец? Реч-ка? Во-да?

Мальчик вскочил, положил малыша на травку, сгонял за дом, принес две деревянные емкости, типа вёдра, и шустро побежал с одним по улице. Маша с большим трудом успевала за ним с пустым ведром, а уж с полным... Вернулись во двор, мальчишка подхватил малыша, который успел заползти в грязь, пока они ходили, и уселся на прежнее место во дворе.

Наверное, от обморока Машу спасло только то, что в хате было темно. Потому что одно дело смотреть по телевизору, как доктор в белом халате кричит: «Тужься!» и туча медсестер суетится вокруг, и совсем другое, когда вот так, в гря-

зи, в тряпье. Хорошо, что с появлением травницы все пошло очень быстро, буквально через несколько минут после того, как принесли воду, Прасковья плюхнула Маше на руки крохотного красного вопящего детеныша.

– Обмой! – приказала она.

Маша чуть не упала второй раз. Но, подчиняясь властному голосу травницы, дрожащими руками стала вытирать ребенка маленькой тряпицей. Руки не слушались, новорожденная девочка орала.

– Сразу видно, что не рожамши, – забурчала Прасковья, взяла малышку, шустро обтерла ее, завернула. – Зато теперь точно в девках не засидишься! У нас кто немовлятку в руки взял – скоро рожают. И малую мы в честь тебя назовем – Марией, да, Пелагея?

– Как скажешь, Прасковья, – зашелестела из угла молодая мать.

– Отнеси ей ребенка, – опять приказала Прасковья и вышла из хаты.

Маша на негнущихся ногах подошла к женщине и положила ребенка рядом с ней.

– Не тутошня? – спросила та.

Маша кивнула.

– Красивая... – завистливо сказала Пелагея. – Я тоже была ничаво.

– А сколько вам лет? – не удержалась Маша.

– В дюжину замуж выдали, да трое деток уже, еще двое

померли... Вот и считай.

– Ты что, каждый год рожаешь? – прошептала Маша.

– А как? – изумилась Пелагея. – Чай, не порчена.

Маша мысленно представила себе их десятый класс. Всех этих накрашенных, начесанных, с маникюром и педикюром, гламурных девушек. Вроде те же семнадцать лет, но с тремя детьми их образ никак не связывался.

– Во дворе твои дети? – спросила Маша.

– Мои, а чьи ж еще?

Пелагея шустро приладила к груди малышку, которая радостно зачмокала.

– Может, их покормить? – спросила Маша.

– Да че их кормить, Миколка покормится, большой уже. А завтра мужики вернутся с охоты, так я уж и встану.

Не зная, что еще предложить, Маша вышла во двор и обнаружила, что «большой» Миколка доит козу, а малыш радостно дергает ее за хвост.

«Это не ролевики! – поняла Маша. – Это какая-то секта!»

– Идем, – дернула Машу за рукав Прасковья и засемила к своему дому.

После Пелагеиных хором у Прасковьи казалось просторно, почти чисто и светло. Маша устало опустилась на скамью и уронила голову на руки.

– Ну что, – пристал Мишка, – нашла кого-нибудь? Где телефон?

– Миш, все плохо, – прошептала Маша.

– Слушай, а поесть тут где-нибудь можно, а? Может, кафе?

– Иди козу подои...

– Чего? – воскликнул Мишка.

– Миша, все плохо... Ты б видел эту деревню. Похоже, что мы попали в доисторические времена!

Маша с трудом подняла голову и мутным взглядом оглядела дом.

– Голова болит, – пожаловалась она.

– Да у тебя температура! – воскликнул Мишка. – Ты чего, простудилась, что ли? Вот бестолковая... Ладно, сиди, я пойду у этой... Прасковьи аспирин попрошу.

– Аспирин? – не без иронии спросила Маша.

Потом вспомнила грязные тряпки вокруг роженицы и рыдалась.

* * *

Потом Маша помнила, что травница поила ее настоем своих корешков, помнила, что просыпалась несколько раз, но не могла поднять голову от подушки. Подушка была жесткая, колючая и очень вкусно пахла сеном. И снился Маше чудесный вид: холм, поросший дубами, две речки, сливаясь у подножья холма, блестят на солнце. И казалось, что нужно понять что-то важное... «Вот вспомню, что это, и сразу все пойму!» – решила Маша и открыла глаза.

Голова не болела. Маша аккуратно села на лавке. Даже слабости почти не было. Она вышла во двор и остановилась, щурясь на солнце.

– Проснулась, – сказала Прасковья, – вот и ладно. Я ж говорила – не помрет. А я ж знаю, когда помрет, а когда нет. Я спрашивала у них (выразительный кивок вверх), мне сказали, отойдет через тыщу лет. А брат тебе не брат – мне так сказали. И не муж. Я б его приворожила, да вижу, что не любя ему. А насилу не люблю – неправильно это.

– А где он? – спросила Маша.

– Да пошел с мужиками. Мужики сказали: раз живет, пусть работает. У нас все работают. Станный он у тебя. Я думала, бесноватый, – не, не бесноватый. Только как безрукый. Видно, издалече вы пришли, у нас такие не выживают.

– Да уж... – хмыкнула Маша. – Мы тоже, похоже, не выживем.

Вечером появился Мишка. Руки содраны, весь в синяках. Сказал, что рубили деревья. Рассказал, что чудом не убило. Заснул, пока рассказывал.

Прасковья смотрела на него с сожалением:

– Такой красивый, но такойдохлый. Будешь любить – задушишь ненароком.

Среди ночи Машу поднял дикий шепот.

– Слышь, вставай! Надо линять отсюда! Пойдем на реку, а? Вещи свои заберем, искупаемся...

Маша тупо, как сова, хлопала на Мишку глазами.

– Зачем искупаемся? Холодно...

– Вот тупая! – Мишка с трудом сдержался, чтобы не повысить голос. – Если мы еще раз искупаемся, может, мы домой попадем! Как в том кино... не помню сейчас... Короче, пойдем, вставай, ну что ты разлеглась!

Маша поднялась, и ребята постарались тихонько улизнуть из избы.

– Я вчера с мужиками поговорить пытался, – шептал Миша. – Они ненормальные! У меня собака разговорчивее! А этот берет бревно и молча кидает! Я типа его ловить должен! Да я его не подниму в жизни! Чуть не убил, гад...

На берег пришли в кромешной темноте.

Вещей своих найти не смогли, но Мишка только прошипел: «Да и хрен с ними!», после чего бодро разделся и ломанулся в воду. Быстро выскочил, стуча зубами от холода.

Городовой не появился.

Тогда, честно повернувшись друг к другу спиной, ребята залезли в воду вместе.

– У меня точно воспаление легких будет, – простучала зубами Маша.

Городовой не появился и теперь. И спустя два часа Миша с Машей вернулись к домику травницы.

– Зря мы в реку полезли, – зло прошипел Мишка, укладываясь спать на лавке.

– Ты ж сам предложил! – возмутилась Маша.

– И что? А ты не могла подумать? Ты вообще сама что-

нибудь придумать можешь? Валяешься тут, типа болеешь, а я работать должен!

Маша, решив не связываться, отвернулась к стене.

– Я понял, – сообщил Мишка через пару минут, – эта река с наркотиками. И все они тут такие... обдолбанные живут.

Маша не ответила. Сжавшись в комочек, она заснула.

На рассвете их разбудили голоса.

– Я не пойду с ними, – Мишка со стоном закатился под лавку. – Иди скажи им, что я заболел и умер.

– Раз в жизни тебя заставили что-то сделать, и ты тут же умер, – хмыкнула Маша. – Хлюпик, как и все...

Девочка вышла из избы и тут же попала под натиск Прасковьи.

– Что ж вы не сказали, что с Вещуном знаете, а? Мне ж можно было и сказать! Он за вами пришел.

Если б не глаза, Маша никогда бы не узнала в этом бородатом старичке статного Городового. У нее перехватило дыхание, и она кинулась ему в ноги.

– Встань, встань, девка, – грудным голосом пропел «вещун» и тут же зашипел Маше на ухо: – Я ж вам сказал на месте стоять, куда вас понесло? Если б сегодня утром не увидел примятую траву у реки, в жизни б вас не нашел! Делать мне больше нечего, только бегать искать вас!

– Прости, – выдохнула Маша.

– Зови парня своего его и пошли в лес! Поговорим спокойно.

Поговорить спокойно не вышло. Мишка постоянно хамил Городовому, а Маша хамила Мише. Городовой скоро вышел из себя и даже легонько стукнул слушателей по головам палкой, на которую опирался – сначала Мишку, потом Машу.

Они сразу притихли: Мишка от возмущения, Маша от неожиданности. Даже в этом странном месте на нее ни разу не подняли руку.

– Повторяю в последний раз, – сурово произнес Городовой. – Вас занесло на тысячу лет назад.

Мишка попытался открыть рот, но получил короткую оплеуху, которая заставила его щелкнуть зубами.

– Потому что не надо было историю дразнить, – ответил Городовой на незаданный вопрос, – она очень капризная особа! Да еще в таком месте...

Тут Маша встревожилась:

– А в каком месте? Нас и во времени, и в пространстве сдвинуло, да? А куда? А почему в том месте нельзя было про историю плохо говорить?..

Городовой многообещающе поднял посох. Маша прикусила язык.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Вам может показаться, что наши герои перенеслись не только во времени, но и в пространстве. Действительно, только что они

были в Александровском саду – и вдруг оказались в какой-то речке! На самом деле в пространстве Маша с Мишкой совсем не переместились. Просто тысячу лет назад там, где сегодня Александровский сад, протекала река Неглинная (или Неглинка). В нее наши путешественники по времени и угодили. Кстати, еще двести лет назад Неглинка текла по поверхности, только в 1817–1819 годах ее упрятали в подземный коллектор.

– Про историю нигде нельзя плохо говорить, ясно? – значительно произнес Городовой.

Маша кивнула. Мишка скривился.

– А то место – особенное. Вы, кстати, в нем до сих пор, так что...

Городовой значительно погрозил пальцем.

– Это что – Москва? – ахнула Маша.

Мишка иронично осмотрелся.

– А чего, – сказал он, – нормальная такая Москва. Ни пробок, ни террористов...

Городовой внимательно смотрел на собеседников, и не думая отвечать. Казалось, он ждал от них чего-то.

– Подожди, дай подумать, – Маша схватила себя за щеки, видимо, чтобы лучше думать.

Как назло, сосредоточиться ей не дал далекий монотонный звук – как будто кто-то стучал деревяшкой по рельсу. Хотя откуда тут взяться рельсу?

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Мы привыкли, что в

Москве постоянно звонят колокола, но так было не всегда. Русские колокольные мастера появились только в XII веке, но их было очень мало, и в русских церквях вместо колоколов служили била – металлические или деревянные доски, в которые били колотушками. Похожим образом были устроены и клепала.

Мишка неожиданно заметил, что Маша уже не блондинка. От грязи волосы стали неопределенного землистого цвета, как и у большинства местных жителей.

– Москва основана в 1147 году, – медленно произнесла Маша. – А мы сейчас в...

– На сто лет раньше, – вставил Мишка. – Даже больше. Тут вообще ничего быть не должно.

Он хотел было отпустить издевательское замечание по этому поводу, но не успел.

– Стоп, – сказала Маша, – Москва не в 1147 была основана...

– А в каком? – возмутился Миша. – Эту дату все знают! В 1147 году...

– ...Москву впервые упомянули! – торжествующе перебила его Машка. – Значит, основали раньше!

И тут произошло странное. Листья на деревьях резко пожелтели и покраснели, солнце оказалось за тяжелыми тучами, а неприятный холодный ветер бросил в лицо обрывки паутины.

Мишка и Маша синхронно поежились.

– Это что? – жалобно спросила Маша.

– Осень! – торжествующе пояснил Городовой.

Он прямо светился от удовольствия.

– Так весна же была? – не понял Мишка. – Или нас опять... перенесло?

Городовой довольно кивнул.

– За что? – возмутилась Маша. – Мы разве историю обидели? Мы же наоборот...

– Так и она наоборот, – Городовой явно приготовился к новому рассказу, но вдруг дернулся и заорал: – Я тебе выстрелю, собака!..

После чего исчез.

Глава 2. Легенда о трехглавом псе

Вернуться к жилью Маша согласилась только после долгих уговоров.

– Мы уже один раз не стали его ждать! – заявила она. – И потом вон сколько намучились!

– Так в тот раз он нам приказал ждать, – терпеливо уговаривал Мишка. – А сейчас нет. Значит, сейчас не надо.

Но Маша только упрямо мотала головой. Пришлось при-

бегнуть к запрещенному приему. Мишка пожал плечами и заявил:

– Ладно, оставайся. Я пошел.

Он старался идти помедленнее. Все-таки Машка единственный человек, на которого он может тут рассчитывать. Но уж очень хотелось разобраться, куда их на сей раз занесло.

Маша догнала его на опушке.

– Дурак ты и эгоист! – заявила она. – Если что – ты будешь отвечать!

– Как будто до этого ты отвечала, – привычно огрызнулся Мишка.

Как ни стыдно было в этом признаваться, но он боялся, что Маша за ним не пойдет.

В тумане они брели по невесть откуда взявшейся дороге. Впрочем, как дороге... просто вытоптанная полоса земли.

Вдали послышался топот копыт.

– Тихо! – скомандовал Мишка. – Давай спрячемся на всякий случай.

Видимо, звуки в тумане разносились очень далеко, ребята в очередной раз продрогли до костей, пока дождались, что звуки материализовались.

Группа людей на конях, гремя мечами, щитами и кольчугами, показалась за поворотом дороги. В центре группы выделялся один, явно главный.

Ехал он, развалиясь в седле, о чем-то неспешно беседуя

с кряжистым воином. Вдруг из тумана выскочило странное существо – трехголовая собака, которая с залиvistым лаем бросилась чуть не под ноги лошади «главного». От испуга лошадь пошла галопом, унося его прочь от чудного зверя. Остальные, видно, не разобрав, в чем дело, припустили за предводителем. Поэтому никто из них не увидел, как развеялся туман и трехголовый пес оказался просто тремя собаками: одной крупной и двумя мелкими.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Согласно легенде, князь Юрий Долгорукий ехал из Киева во Владимир. Посреди болота он увидел «огромного чудного зверя. Было у зверя три головы и шерсть пестрая многих цветов... Явившись людям, чудесный зверь затем растаял, исчез, словно туман утренний». Греческий философ на вопрос Юрия о значении видения сказал, что в этих местах «встанет град превелик треуголен, и распространится вокруг него царство великое. А пестрота шкуры звериной значит, что сойдутся сюда люди всех племен и народов». Князь поехал дальше и увидел город Москву, бывшую во владении боярина Кучки.

Когда топот копыт, понукание всадников и лай испуганных собак затихли, Маша и Миша вылезли из кустов, синхронно пожали плечами и отправились догонять процессию.

Деревня выглядела почти так же, как и весной. Дом Прасковьи стоял на том же месте, но само место было малоузнаваемо: не стало огромного дуба рядом с домом, не стало ко-рявой березы. Зато справа от дома появилась целая дубовая

роща, а слева пристройка – то ли сарай, то ли хлев.

– Прасковья! – тихонько позвала Маша, увидев сгорбленную фигурку, копошившуюся в земле.

Фигурка выпрямилась и вперила в Машу цепкий, внимательный взгляд. Взгляд был кусучий. Маше показалось, что ее мозг полностью отсканировали.

– Померла Прасковья, – скрипуче ответила женщина.

Маша ахнула и закрыла рот рукой.

– Дюже давно померла, – добавила старуха, – моя бабка ее хоронила.

Тут Маша даже ахнуть не смогла, только хлопала глазами и пыталась понять хоть что-нибудь.

– Я – Фёкла, – скрипнула старуха еще раз, продолжая буравить гостей цепким взглядом. – Давненько Прасковью не искали, а раньше к ней шли что хромой, что слепой. Многих исцелила.

Бабка еще раз внимательно осмотрела Машу с ног до головы.

– Что ж тебя привело, красавица? – спросила она. – Хворей у тебя нет. На лицо красива. Ко мне такие редко заходят. Замуж хочешь?

– Домой хочу! – ляпнула Маша.

– Домой... – Фекла задумчиво посмотрела в небо. – Говорят, здесь твой дом, но идти тебе далече.

– Это как? – спросил Мишка.

Фекла пожала плечами.

– Мне говорят, я повторяю, – сказала она.

– А где мы? – спросил Мишка.

– Да в Кучково, – бросила через плечо Фекла. – Мне говорят, я должна вас приютить. Затирка в печке, хотите – ешьте. А я пойду, там князь с дружиной пожаловал, поглядеть на него хочу.

– Ну вот, ни в какой мы не в Москве, мы в Кучково! – прошептал Мишка. – Я понял! Передачу «Розыгрыш» смотрела? Нас просто разыгрывают! Интересно, кто ж это столько бабла заплатил за инсценировку? И как они так быстро успели здесь все перестроить?

– Ты умный, – вдруг проскрипела Фекла, – но говорят, что дурак!

Маша нервно хихикнула.

– А кто вам все это говорит? – спросила она.

Фекла выразительно посмотрела на небо.

– Прасковья с ними балакала, она научила мою бабу, та меня. Мне говорят, я должна идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.